

ЦИКЛ

Владимира Поселягина

КОМАНДИР КРАСНОЙ АРМИИ

Командир Красной Армии

Офицер Красной Армии

Владимир Поселягин

ОФИЦЕР
Красной Армии

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П61

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 83

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Поселягин, Владимир Геннадьевич

П61 Офицер Красной Армии: роман / Владимир Поселягин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2016. — 416 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-096269-3

Возвращение Виталия Мишина произошло несколько... необычно. Не понимая, кем он стал, Виталий возвращается в тот же мир, где погиб. Военное время, оккупированная немцами территория Украины. Молодой красный командир, что идёт по грязным весенним дорогам. Идёт к фронту, несмотря ни на что.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-096269-3

© Владимир Поселягин, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Боль, холод... Как мне больно... и холодно... Я умираю... Странно, я полностью осознаю себя живым человеком, но понимаю, что умираю от холода, отсутствия воды и пищи... Снова умер, но смог пошевелить одной рукой... Я не знаю, сколько прошло времени, умирал я уже шестнадцать раз... или семнадцать? Неважно, всё это уже привычно. За это время я уже определил, что нахожусь в могиле. Как? Теснота, отчего практически невозможно было пошевелиться, и сыплющаяся вокруг сырая земля. Выжил, смог. Со сал сырую землю, стараясь обмануть желудок. Воздух был, немного, но был. Как я понял, это просела земля и он через щель поступал небольшими порциями.

Как же мне холодно. Я не чувствовал рук и ног, но, наверное, это даже к лучшему — когда я царапал промёрзшую землю, не чувствовал боли от ободранных ногтей и содранной кожи... Освободил вторую руку... Снова умер от переохлаждения... Страшно. Уже не помню номер этой смерти. Холодно и очень страшно.

Сколько прошло — неделя? месяц? — когда я ударом кулака проделал отверстие в земле и стал жадно хватать лёгким воздухом, шумно дыша при этом? Сил проделать отверстие шире, чтобы вылезти, у меня уже не хватило... умер.

Снова очнулся там же. Всё уже стало привычно, но были свежий воздух и просвет сверху. На поверхности был день и, кажется, шёл дождь, в дыру

я разглядел покачивающиеся ветви деревьев. Похоже, могила находилась в лесу или на опушке. Листвы не было, ветви были голыми, но почки я рассмотрел отчётливо, хотя старался проморгаться от грязи и жижи, что стекала по стенкам проделанного прохода и капала на лицо.

Чувствуя, что скоро снова от переохлаждения протяну ноги, я с рычанием стал пробиваться наверх. Не смог, увеличил отверстие в промёрзшей земле — я не ошибся, земля действительно не оттаяла, на сколах был виден лёд — умер он переохлаждения. Когда очнулся, снаружи была ночь, однако я продолжил борьбу за жизнь. Не помню, какая она у меня, может, уже сотая... Не важно. Подкрадывается апатия... Нет, я смогу, я выберусь!

Скользя ногами по склизкой и мокрой земле могилы, вода через отверстие всё-таки попала внутрь, я с рычанием по пояс высунулся наружу и, помогая себе руками, рывком выбрался и свалился на прошлогоднюю листву, шумно дыша. Подгребая к себе ободранными руками листву, я уткнулся в неё лицом и заплакал. Не помню, сколько времени мне понадобилось, чтобы откопаться, но это время было самым тяжёлым в моей жизни.

Не знаю, какое сейчас время года, но думаю, весна. Где я находился, в каком времени и местности, тоже не знал, однако напавшая апатия, после того как покинул могилу, буквально раздавила меня.

— Встать! — негромко приказал я себе, продолжая тискать болевшими пальцами листву, и тут же заорал, будя в себе жажду жизни. — Встать!!!

С трудом приняв сидячее положение, я подполз к стволу дерева, в темноте было видно его тёмную массу, и, хватаясь руками за кору, которую пробо-

роздили глубокие трещины, с трудом встал. Покачиваясь, я держался одной рукой за ствол, а другой балансировал. Ноги с трудом держали меня. Я все силы вложил в этот последний рывок, так что чувствовал полную обессиленность. Мысли путались, и я никак не мог сосредоточиться.

Пока прорывался на поверхность, я пытался проанализировать ситуацию. Но из-за недостатка информации быстро бросил это дело. Выводы были неутешительны. Я воскрес и был жив, хоть и умирал и воскресал в жутких мучениях, но был похоронен и шансы выбраться у меня были минимальны. Однако размышляя я и о том, где находился. По всем прикидкам после того смертельного ранения, когда меня разорвало почти пополам снарядом пушки «мессера», моё тело было похоронено. На это намекали все те вещи, что были на мне. Конечно, за всё то время, что я пытался выбраться, одежда пришла практически в полную негодность, но определить, что я был в командирском френче и галифе, смог. Даже нащупал кубари в петлицах. Да и попорчена она была попаданием снаряда. Он ведь не только тело повредил.

Так что по всем прикидкам я оказался на том же месте, где меня похоронили. Знать бы ещё, это сделали на месте ранения или отвезли куда? Ничего, выясню.

Думаю, я бы не вылез из могилы, если бы не один заинтересовавший меня факт. Воскресал я всегда в полном порядке. Во время копания я трижды ломал руку, как-то умудрялся, пальцы не в счёт. Один раз вообще указательный палец повис на коже, и пришлось её перегрызать, чтобы не мешал. Однако во время следующего воскрешения всё было в порядке. На руках и ногах ни царапинки. Ощупывая себя,

я убеждался, что полностью здоров. А дальше следовало продолжение борьбы за жизнь, и я снова повреждал свои руки до такой степени, что нельзя было копать. Сколько раз я умирал от переохлаждения, обезвоживания, кровопотери? Много, я давно сбился со счёта.

Многие спросят, а куда я девал землю, копая? Под себя, куда же ещё? Так потихоньку и поднимался. Поднялся и выбрался.

Всё ещё не веря своей свободе, я продолжал стоять, трясясь от озноба и от холода, буквально упиваясь тем, что выбрался. Длилось это секунд десять, после чего я пошатнулся и ухватился за ствол обеими руками.

— Чтоб тебя, — тихо пробормотал я себе под нос.

Так, держась за дерево, я стоял и улыбался, размышляя о своей судьбе. Нет, то, что я столько умирал и воскресал, меня несколько не удивляло. Со мной такое уже было. Ещё в моём времени я заживо сгорел в обломках вертолёта и очнулся здесь, в этом мире голый и живой. Так что воскрешение меня скорее озадачивало. Не зная о первопричинах этих событий, я просто не понимал, как на всё это реагировать, но своим новым умениям был рад. Чую, ещё не раз мне всё это пригодится.

Было темно хоть глаз выколи, луну закрывали густые тучи. Я их не видел, но звёзд не было видно, как и спутника, так что вывод напрашивался сам собой.

Хотелось есть. Нет, не так. Хотелось буквально жрать. Желудок сводило от голода. Видимо, именно поэтому был такой упадок сил. Пошатываясь, я сделал пару шагов вперёд и, ухватившись за низко висевшую ветку, нащупал грязными пальцами набухающие почки. Почти сразу я стал сдирать их зубами и, бы-

стро пережевывая, глотать. Ненадолго желудок обману, дальше будет легче. Вернувшись обратно к дереву, снова прижался к нему. Я две ветви полностью обглодал, так что хоть немного, но дал желудку пищу. Теперь хотелось пить.

— Весна, — пробормотал я. — Похоже, середина или конец апреля. Где-то так.

Ощупав себя, я стал сдирать остатки формы. Галифе были ещё ничего, одна дыра на колене, а вот от френча и нижней рубахи остались одни только воспоминания. Содрав левый ободранный рукав, я отбросил его в сторону, поёживаясь от ночного холода и сырости. Обнажённое тело тут же стал остужать холодный ветерок. После этого, плюхнувшись на зад, я занялся галифе и сапогами. Да, на ногах у меня были мои старые добротные сапоги. Правда, их тронула сырость и тление, но хоть что-то. За неимением лучшего, как говорится.

Больше всего я провозился с сапогами. С трудом стянув их, я размотал сгнившие портянки и повесил сушиться. Утром посмотрю, может, ещё пойдут в дело? Следом настала очередь галифе, их я снял быстро. Теперь я стоял полностью обнажённый, дрожа от холода, но всё такой же грязный, хотя на боку корка могильной жижи стала подсыхать и отваливаться при движении.

Как ни парадоксально, но во время борьбы с сапогами я согрелся, даже немного сил вернулось. По крайней мере, встав с листвы, я накинул грязные от сырой земли и, надо сказать, моих испражнений галифе на ветку и, покачиваясь, щупая перед собой левой ногой землю, направился к могиле. Дело в том, что там остались некоторые вещи, которые, видимо, положили со мной, когда хоронили. Это были плащ-

палатка, фуражка и, что важно, командирский ремень с кобурой. Причём не пустой.

К сожалению, когда я продирался через узкое отверстие, то как-то не думал о сохранности этих вещей. Единственное желание, на уровне инстинктов, было выбраться на поверхность. Так что немного придя в себя, вспомнил об этих нужных мне вещах. Ремень с пистолетом тогда скользнул по ногам и остался внизу. Там же остались и плащ-палатка с фуражкой, превращённой в блин, пока я откапывался. Хотя вроде перед двумя последними смертями я уже не заботился об её сохранности и, кажется, завалил землёй. Вниз я не полезу, до того натерпелся, что в данный момент просто духу не хватит. Так что, если нет её на виду, брошу. Главное, чтобы плащ-палатка была цела. Хоть сверху её накину. Влажная она и грязная, но что ни говори, а от ветра защита.

— Интересно, патроны есть? — тихо пробормотал я, нащупывая ногой край могилы.

Встав на колени, я лёг на живот, почти сразу зашипев от боли. Какой-то сучок пребольно впился мне под ребро. Убрав его в сторону, я подгрёб под себя листву и наполовину, вниз головой, залез в яму. Первым мне попался под руку край плащ-палатки, потом и ремень. А вот фуражка так и не нашлась. Видимо, я действительно закопал её, когда откапывался, утрамбовав землю своей тушей.

Выбравшись наверх, я бросил рядом ремень с кобурой и выдернул из могилы плащ-палатку.

С трудом встав, я подобрал все вещи и вернулся к дереву. Нос немного прочистился, и я стал чувствовать смрад грязного белья и, что уж говорить, тела. Пока вылезал, не раз пришлось ходить под себя. Санузла у меня не было, деваться неку-

да. Потом желудок очистился, и ходить под себя уже стало нечем.

— Сейчас бы речку, отмыться, — стуча зубами, пробормотал я. — А лучше в баньку, одеться в чистую одежду и сесть за праздничный стол. Эх, мечты-мечты.

Сжавшись в комок, дрожа от холода, я стал пережидать ночь. Через некоторое время я почувствовал, что меня стало клонить в сон. Этого нельзя было допустить — как умирают от переохлаждения, я знал. Нет, не так сказал: Я ЭТО ЗНАЛ КАК НИКТО ДРУГОЙ!!!

— Надо то-то делать, — пробормотал я посиневшими губами.

С некоторым трудом встав, осмотрелся. Мгла немного рассеялась, и стало возможным обозреть ближайшие деревья. Я ошибся. Это был не лес. Скорее всего небольшая роща вроде той, где меня тяжело ранили. Вполне возможно, тут же меня и похоронили, а раз так, то я знал примерное своё местоположение. Насколько помню, расположение штаба дивизиона до моего ранения находилось на полевом стане неподалёку от села Народичи у реки Уж. Я находился где-то недалеко от Чернобыля, меньше ста километров. Но это пока предположения, утром точно будет ясно. По идее где-то недалеко должен находиться тот самый полевой стан.

Чтобы согреться, я стал сгребать листву руками, морщась от боли в пальцах. У трёх были содраны ногти и повреждена кожа, остальные тоже выглядели неважно. Набрав гору листвы, я закопался в неё, продолжая дрожать от холода и пытаюсь согреться.

— Твою мать! — был мой первый же возглас, когда я проснулся. Смотрел я на чистую кожу пальцев

без видимых повреждений, да и ногти все были на месте. Это означало, что ночи я не пережил, соответственно уснул и замёрз. На улице всё ещё холодало. Может, долгое нахождение в могиле дало о себе знать? Ведь в ней я находился часов шесть, безостановочно откапываясь, потому что знал: остановлюсь — умру. У меня была обширная практика, и я стал докой в этом деле.

Проснувшись, я почувствовал странности в своём состоянии, поэтому высунул из листвы руку и, обнаружив своё новое воскрешение, выругался. Я уже привык ко всему этому постоянному оживанию, поэтому особо не обратил внимания, только порадовался, что все раны исчезли. Встав, я бодро огляделся и, сделав лёгкую разминку, адреналин буквально гулял по крови, направился к дереву и сушившимся вещам. Требовалось посмотреть их сохранность.

Первая новость: выводы оказались верны, это был не лес, а роцца, которая фактически просматривалась насквозь. Вторая: со своим местоположением я не ошибся, неподалёку просматривались строения полевого стана и, кажется, угловатая коробка танка. Надо подойти поближе и внимательно осмотреться, а то деревья скрывают общую картинку.

Осмотр вещей показал, что можно использовать плащ-палатку, галифе и сапоги, но требовалось их предварительно отмыть и высушить. Надевать грязное я брезговал, но пришлось. Сам был не особо чистый. Найду речку, отмоюсь.

Естественно, прежде чем проверять одежду, я открыл кобуру и достал «ТТ» однако меня ждало разочарование, в пистолете отсутствовал магазин. Запасного тоже не было. Проверив ствол, я обнаружил, что

и в нём патрона не было. Так что в кобуре у меня покоился пугач, если кого на испуг взять.

Штаны я не стал надевать, сунул ноги в сапоги, они были всё ещё мокрые, да и где их сушить? Плащ-палатку накинул на плечи, сверху галифе, чтобы сушились от тепла тела, ремень застегнул на поясе, сдвинув по привычке кобуру на ягодичцы. Даже срам прикрыть нечем. Кутаясь в плащ-палатку, я направился к просвету, где заметил строения. Видно было плохо из-за деревьев и кустарника, однако если бы была листва, я бы стан вообще не разглядел.

Буквально через двести метров я сблизился с опушкой и, внимательно осмотревшись, не обнаружив посторонних, вышел на поляну. Фактически от стана мало что осталось. Одно наклонившееся набок строение со следами огня, остальные были разрушены. Подойдя к полузасыпанной ячейке, я заглянул в неё, покосился на пулемётный окоп рядом и пробормотал:

— Крепкие бои тут шли. Видимо, майор держал оборону до последнего... Надеюсь, моих ребят он не погубил.

Перешагнув ячейку, я подошёл к порыжевшему и покрытому ржавчиной от времени танку. Это был БТ-7. Он когда-то горел, но взрыва боекомплекта не было, видимо, расстрелял всё во время боя. Наклонившись на один бок, расстелив одну гусеницу по земле, он с развернутой в сторону атаковавшего его когда-то противника башней стоял у капонира, застыв навсегда грозным памятником погибшим танкистам.

— А я тебя помню. Особенно этот шрам, — коснулся я вмятины на борту танка. — Ты из части майора Филатова... Сколько же прошло с того времени? Полгода? Год?

Поёжившись — холод стал пробирать до костей, видимо, эйфория после нового рождения схлынула, — я потоптался на месте и, припомнив, где у нас был ручей, откуда повара и ординарцы брали воду, последовал в ту сторону. На опушке я остановился у окопа, где находилась раздавленная сорокапятка, также тронутая на сколах пятнами ржавчины, и, вздохнув, направился дальше. Костей видно не было, видимо, победители похоронили всех. Нужно будет чуть позже, прежде чем выбираться к людям, поискать их братскую могилу и проститься. Что ни говори, а воевали здесь мои боевые товарищи.

Беглый осмотр показал, что трофейщики на славу тут поработали, бросили только то, что не могли восстановить и отремонтировать. Остальное, видимо, планировали сдать на металл, но что-то не срослось, вот и осталось на месте боя тяжёлое повреждённое вооружение. Если мелочь какая и была, то её утащили местные. Искать что-либо полезное не было смысла, так что я сразу направился к ручью.

Ручей я обнаружил метрах в трёхстах от уничтоженного полевого стана и бывшей боевой позиции. Надо будет у местных уточнить, кроме всего прочего, что тут происходило.

Скинув все вещи, я, рыча, залез в воду по колено и, чувствуя, как от ледяной воды сводит ноги, стал быстро мыться, сдерживаясь от поскуливаний. Изредка только прорывалось рычание.

Отмыл, особенно то, что было на голове, не волосы, а колтун слипшихся в один ком волос. Бросил в воду галифе и плащ-палатку, чтобы они отмокали. Вниз по ручью сразу же пошла серо-коричневая муть. Я стал бегать у берега, махая руками и подпрыгивая,

чтобы согреться. Чуть дальше я обнаружил сугроб снега, который ещё не растаял.

Через десять минут я закончил с отопгревом и, почесывая левую ногу — поцарапал её о кустарник, — вернулся к ручью. Снова требовалось лезть в воду и заниматься уже стиркой. С этим я закончил за пятнадцать минут. Конечно, особо чистыми вещи не стали, но хоть одеваться можно без особого омерзения. Выжав и повесив их сушиться на ветки деревьев, я достал из кобуры пистолет и стал отмывать его от грязи, после чего принялся за сапоги. Требовалось отмыть всё. Жаль, сухой тряпочки не было, оружие надо было держать в чистоте, а не как у меня — комок грязи, но чистить было нечем. Даже бывшие портянки на это не годились, я их сразу выбросил.

Закончив с помывкой, я ещё несколько минут позанимался, махая руками и бегая, чтобы согреться, после чего натянул прямо на голое тело сперва галифе, потом сапоги и, наконец, накинул сверху плащ-палатку. Застегнув ремень с кобурой, я побежал в сторону ближайшей деревушки. Идти я уже не мог, просто замёрзну, а бегом шанс был, к тому же была надежда, что не только согреюсь, но и теплом своего тела подсушу одежду.

Время было вечернее, поэтому я заторопился, решив достичь деревушки до наступления темноты. Я, конечно, не знал, какое сейчас время, но если всё ещё идёт война и эти территории оккупированы немцами, я мог с ними встретиться, ну или с полициями-приспешниками. Мне этого пока было не надо.

К моему облегчению деревушка оказалась на месте. Пара домов, что я помнил, пропали. Только закопченные печи показывали, что они тут были, но другие вполне целы, дымили трубами и помаргива-